

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-140-144

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА В ПОЭМЕ ВИКТОРА БАГРОВА «ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

© Ольга Журчева

REPRESENTATION OF THE YEMELYAN PUGACHEV IMAGE IN VIKTOR BAGROV'S POEM "YEMELYAN PUGACHEV": REVISITING THE PROBLEM

Olga Zhurcheva

This article explores the representation of Yemelyan Pugachev in the poem “Yemelyan Pugachev” by Viktor Bagrov (Bestemennikov), a forgotten and little-studied Middle Volga writer of the 1920s-30s who died tragically during the Great Terror. The poem was influenced by the novella “The Captain’s Daughter” and the historical narrative “The History of Pugachev” by A. S. Pushkin and A. Yesenin’s poem “Pugachev”. The poet draws extensively on the facts from “The History of Pugachev”, but imbues the events and the characters with the artistic expressiveness of a folk historical song. Bagrov also sets the tone of a distinctly epic quality in his work, using the epigraphs from “The Tale of Igor’s Campaign” to create the epic vector and introduces the character of the storyteller Alyosha Bayan who could have become a chronicler of the peasant war and the Pugachev rebellion. The poem makes extensive use of artistic parallelism to convey the complex, contradictory, fickle, and protean character of Pugachev, simultaneously a tsar of hope and a free Cossack, a peasant tsar and a fugitive thief, a “wanderer”. Compositonally, the poem’s plot is influenced by Pushkin’s story “The Captain’s Daughter”. Pugachev does not appear from the very start, not under his own name; he is characterized indirectly, “through hearsay”. The first six chapters of the poem lead the heroes to Cossack freedom; the remaining five chapters lead them to defeat and disillusionment.

Keywords: Viktor Bagrov, Emelyan Pugachev, Russian rebellion, epic vector, peasant tsar

Статья посвящена репрезентации образа Емельяна Пугачева в поэме «Емельян Пугачев» забытого и малоисследованного поэта 1920–30-х годов Средневолжского края Виктора Багрова (Бестеменникова), трагически погибшего в эпоху большого террора. Поэма написана под влиянием повести «Капитанская дочка» и исторического повествования «История Пугачева» А. С. Пушкина и поэмы С. А. Есенина «Пугачев». Поэт активно использует фактологию из «Истории Пугачева», но сообщает событиям и характеру главных героев художественную выразительность фольклорной исторической песни. Кроме того, Багров придает своему произведению ярко выраженный эпический характер, используя для создания эпического вектора эпиграфы из «Слова о полку Игореве», а также привносит образ сказителя Алеши Баяна, который мог бы стать летописцем пугачевщины. В поэме активно используется художественный параллелизм, для того чтобы показать сложный, противоречивый, изменчивый, протеистический характер Пугачева, царя-надёжи и вольного казака, мужицкого царя и беглого вора, «побродима». Композиционно сюжет поэмы выстроен под влиянием пушкинской повести «Капитанская дочка». Пугачев появляется не сразу и не под своим именем, характеризуется косвенно, «с чужих слов». Первые шесть глав поэмы ведут героев к казачьей воле, пять других глав ведут к поражению и разочарованиям.

Ключевые слова: Виктор Багров, Емельян Пугачев, русский бунт, эпический вектор, мужицкий царь

Для цитирования: Журчева О. Репрезентация образа Емельяна Пугачева в поэме Виктора Багрова «Емельян Пугачев»: к постановке проблемы // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 4 (82). С. 140–144. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-140-144

«Не приведи Бог увидеть русский бунт бес- фраза из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина смыслленный и беспощадный» [1, с. 348] – эта стала своего рода нравственной константой по

отношению к любому революционному движению вообще и к оценке деятельности Емельяна Пугачева в частности.

Художественное осмысление образа этого исторического персонажа занимает важное (хотя самих произведений немного) место в русской литературе: «История Пугачева» и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, роман Г. П. Данилевского «Черный год (Пугачевщина)», повесть «Охонины брови» Д. Н. Мамина-Сибиряка, «Пугачевская легенда на Урале» В. Г. Короленко, «Пугачевцы» Е. А. Салиаса, поэма С. А. Есенина «Пугачев», довоенная трилогия В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев», современный роман В. И. Буртового «Пугачевская война». Целая библиотека литературоведческих трудов посвящена «пугачевской» прозе Пушкина и поэме Есенина [2], [3], [4]. И главным вопросом всегда оставался вопрос об амбивалентной протеистической природе образа Пугачева: мужицкого царя, народного заступника, беглого преступника, вольного казака и т. д. По словам В. Д. Сквозникова, только с повести Пушкина возникла традиция уважительного отношения «к Емельяну Ивановичу – заступнику» [5, с. 5].

Парадоксальную, но очень интересную точку зрения на природу «русского бунта» высказывает В. Я. Мауль в своей работе «Русский бунт в зеркале перевернутого мира смеховой культуры». Здесь утверждается, что «русский бунт относится к числу неотъемлемых элементов традиционной культуры, является частью ее текста» [6, с. 385], таким образом, «смыслополагание русского бунта обнаруживается только в контексте кодовой символики традиционализма» [Там же]. Исследователь полагает, что в условиях бурного XVIII в. (в социальном, политическом, экономической, культурном отношениях) «русский бунт оказывался своеобразным мостом между прошлым и будущим, отчаянной попыткой аксиологической апологии традиционализма в условиях модернизации» [Там же]. Поскольку «антитоведение» правителей, начиная с Петра I отменявших традиции, «должно было казаться русским простецам неправильным, «перевернутым» [Там же, с. 391], а «действия самозванного императора <...> соответствуют традиционному диалогу власти и социальных низов» [Там же]. Эта мысль звучит и у Ю. М. Лотмана: «именно эта крестьянская природа политической власти Пугачева делает его одновременно вором и самозванцем для дворян и великим государем для народа» [7, с. 217].

Одним из интереснейших и абсолютно неисследованных опытов репрезентации образа Пугачева является поэма «Емельян Пугачев» рано погибшего самарского/куйбышевского поэта Виктора Багрова. Виктор Александрович Багров (Бес-

теменников) пришел в литературу совсем молодым человеком, влюбленным в поэзию Эдуарда Багрицкого (отсюда и псевдоним). Поэма «Емельян Пугачев» была написана уже к 1931 г., долго перерабатывалась и ожидала своей публикации в журнале «Новый мир», но была опубликована через много лет, в 1969 г., в Куйбышевском книжном издательстве [8]. Вот что писал в предисловии к этому изданию друг поэта, уцелевший в пламени большого террора, литературовед профессор Л. А. Финк: «Виктора Багрова прошлое влечет не как архивариуса или коллекционера. Он ищет в истории уроки и образцы, красоту и героику, самоотверженность и цельность характеров» [9, с. 25]. Рядом с Емельяном Пугачевым и целой вереницей его соратников – вполне исторических персонажей, в поэме возникает вымышленный герой, сказочник, певец, сказитель – Алеша Баян, «лирический фон поэмы» [Там же, с. 26].

Поэма сложна по своему построению, велика по объему, поэтому мы обратим внимание только на ряд художественных приемов, которые выстраивают основной композиционный и смысловой каркас произведения и создают возможность разносторонней характеристики фигуры Емельяна Пугачева. Поэма, описывающая историю Пугачевского бунта, состоит из одиннадцати глав. Каждая глава имеет название, свой поэтический строй, свою композицию. Надо сказать, что каждая глава поэмы, как песня в народном эпосе, может существовать как отдельное законченное произведение со своим цельным сюжетом и своим набором героев [10].

Первые шесть глав снабжены эпиграфами из «Слова о полку Игореве», что создает своеобразную проекцию событий поэмы на историю, описанную в великом памятнике древнерусской литературы, что подчеркивает эпическую значительность поэмы. Почти все цитаты из «Слова...» относятся к самому лицу описания сражения Игоря и Всеволода, а это становится еще и предсказанием будущего поражения Пугачева. Присутствует в поэме попытка риторически приблизиться к стилю «Слова...». Так, можно споставить призыв Игоря и объяснение Пугачева с Шигаевым в пятой главе:

«А мои-то куряне опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы» [11, с. 58].

Ср.:

«Или подковами конь не обут?

Кровь не в привычку? Клинок не по чести?

С ордами, с Русью аукнемся вместе,
Гикнем по степу да кликнем на бунт!
Вечная воля нам будет в награду,
Синий простор в ковыле да в цветах» [12, с. 168].

Однако уже в седьмой («Пугачев в Самаре») и во всех последующих главах эпиграфов нет. Очевидно, это связано с тем, что здесь начинается не только поражение в сражениях, но и отступление от идеи вольности, под знамена которой собиралось пугачевское войско.

Еще одной репликой к «Слову о полку Игореве» становится персонаж, с судьбы которого, собственно, и начинается поэма, – Алеша Баян (ср. в «Слове...» – вещий певец Боян).

Виктор Багров, с одной стороны, описывает хронологию пугачевского бунта, используя как материал пушкинские произведения. В поэме приведены факты из «Истории Пугачева», например история отношений Пугачева и его трагически погибшей любовницы Елены Харловой или эпизод, когда старуха ищет тело погибшего сына среди множества других тел в реке Яик, и т. д. С другой стороны, в поэме много вымышленного, гиперболизированного, приукрашенного, фольклоризованного. Центральной фигурой поэмы остается Емельян Пугачев, но рядом с ним на протяжении нескольких глав следует вымышленный, но очень важный для автора герой – Алеша Баян.

Глава «Пиршество» предваряется эпиграфом: «Черные тучи с моря идут ... а в них трепещут синие молнии, быть грому великому!» [11, с. 59], где делается акцент на образ грозы, сопровождающей и первую главу, и всю поэму в целом. Грязное настроение и у главного героя главы – Алеши Баяна, крепостного артиста, имеющего талант песнословия, чем и развлекает гостей барина. Но стремление к воле сильнее сущности дворовой жизни:

«Там чокался звонко стакан о стакан,
Там пиршество было на славу!
Так чем же хозяев прогневал Баян,
Чем сказка пришлась не по нраву?
<...>
За парком – Сура, за Сурою – леса,
И скрылся Алешка, как не был» [12, с. 128].

К слову, до XVI в. по реке Суре проходила граница Московского княжества, так что можно сказать, что, пересекая Суру, Алеша приближается к вольным казачьим степям.

И в первой, и во второй главах есть вставные песни Алеши Баяна. В первой – сказка о том, как черт, чтобы извести Мужика, создал Бояра. А во второй главе «Песня о Журавлиной земле» появ-

ляется песня об утопической земле, вольном крестьянском рае, куда унесся в своем струге Стенька Разин. По фольклорной традиции характеристика Журавлинской земли строится как антитеза «нашему краю», «не пригожему», «не любому» вольным птицам, где:

«Холодна волна у родных озер,
Птице голодно в низкой озимы,
Отворен ветрам рудо-желты бор.
Солнце клониться в холод осени» [Там же, с. 140].

А в Журавлинской земле, земле обетованной, «в золотом меду, в голубом цвету» в всего довольно, сътно и вольно:

«Реки льются там водопоями,
Рыбным гульбищем в хорях меженных,
Там стада коров необдоенных,
Косяки коней необъезженных» [Там же].

Так в виде страны изобилия животных в лесах, пшеницы в полях, фруктов в садах описывается в волшебной сказке и народных утопиях «тридцатое царство», фантастическое пространство, похожее на рай, но в то же время – загробное царство [13, с. 287–297]. В нашем случае это еще и место, где стоит дом Стеньки Разина «в золотой резьбе / Посреди земли Журавлины» [12, с. 141].

К концу песни у костра появляется неизвестный бродяга, «побродим». Так впервые автор вводит Емельяна Пугачева. Здесь очевидная отсылка к пушкинской «Капитанской дочке», к главе «Вожатый», где Пугачев впервые появляется как безвестный бродяга на дороге. О явном влиянии текста А. С. Пушкина говорит и многое другое. Например, прием множественности косвенных, «с чужих слов» характеристик Пугачева. В повести в главе «Незваный гость» Пугачев оказывается перед Гриневым во всем блеске своей власти, так и в поэме в главе «Клятва» происходит торжественное явление Пугачева Петром Третьям, царем-надежей перед своими сотовицами и перед Алешей Баяном.

В конце же второй главы появляется подробный поэтический портрет Пугачева. Поэт активно использует прием художественного параллелизма, словно пытаясь понять, каков же в действительности Емельян: простой и непростой, старый, в морщинах и сединой, и с молодым черным чубом, с горькой усмешкой, но удалой молодец:

«Занятый думой своей потаенной,
Слушал печальный напев до конца,
Светом костра до бровей озаренный,
Смуглый, похожий лицом на донца.

В редких морщинах, пропитанных пылью,
С горькой усмешкой обветренных губ,
Весь он, как осенью тронутый дуб.
Искристым инеем, белой ковылью
Переплетен вороной его чуб» [12, с. 141–142].

Глава пятая «Клятва» становится своего рода кульминацией в сюжете поэмы и имеет соответствующий эпиграф: «*Ты ведь можешь Волгу веслами раскропить, А Дон шеломами вылить*» [11, с. 59]. Алеша нашел все-таки Журавлинью землю, это утопичное царство свободы:

«И повалился Баян на колени
В пыль этих трав, в голубую теплынь.
И целовал, целовал в исступленье
Горькую, жесткую эту полынь.
Вот они, грани земли Журавлиной...» [12, с. 157].

Однако старые казаки уверяют, что Журавлинья земля, казачий степной рай – давно уже сказка, не быть, нет здесь ничего того, что ищет Алеша, а есть только Таловый умет, где неведомый ему пока Пугачев собирает атаманов казачьего войска: Дениса Караваева, Максима Шигаева, Чику Зарубина.

«Да, я казак Емельян Пугачев.
Да, я бродяга, бежавший из дома,
С цепи железной, с тихого Дона.
Мне не корона нужна, не почет –
Волю задумал искать Пугачев» [Там же, с. 167–168].

В этой главе Емельян и Алеша знакомятся заново, Емельян обещает Алеше Журавлинью страну, но такую, которую нужно завоевать самому. Емельян обращается к Алеше пока как товарищ, не ему нужен Алеша, «совесть и голос» восстания, а Алеше нужен Пугачев, чья магнетическая сила заставляют Алешу пойти за ним, поверить в его дело. В главе «Клятва» Емельян Пугачев уже представлен государем, «надёжней», которому клянутся в верности казаки «служить верой и правдой» до конца, «только покой, только древнюю вольность даруй яицкому войску». «Царь в армяке», в свою очередь, готов жаловать свое войско степями, рекою, всеми угодьями, «древней верой», «старинной волей, / волей казачьей на веки веков» и сам присягает казакам:

«И Пугачев с головой обнаженной
Поцеловал в образке отраженный
Алый кусочек яицкой зари» [Там же, с. 173].

Но для Алеси Баяна даже мужицкий царь – все же царь. Последняя глава, где он еще присутствует в сюжете – шестая «Первый поход мятеж-

ного войска». Это глава о первом бое и о первой победе, что начиналась с призыва: «*сядем на Яи-ке царством казачьим, / И никаких нам не надо столиц*» [Там же, с. 179], а обернулась зверством и кровью, закончилась казнями и дележкой «атаманых да есаульских чинов». После этого из пугачевского войска и из поэмы исчезает Алеша Баян, потерявший веру в «Журавлинью страну».

Далее следует история поражений, компромиссов, уступок. Интересно, что в поэме нет рассказа об аресте или казни Пугачева. Он словно бы растворяется в породившей его степи, в ветре, в мятежной природе. Причем «ветер» становится доминантой его характеристики: есть его слова, гуляющие по ветру; «ура» во славу мужицкого царя, разносящееся ветром; ветер атаки; вольный ветер свободы – образ самого Емельяна, и конь у него – ветромах.

«Разноязыкие грянули песни.
Вот уж и нет Емельяна. В громах
Зычных «ура» и веселых приветствий
Мчит его по полю конь-ветромах» [Там же, с. 246].

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что, с одной стороны, Виктор Багров показал себя хорошим учеником своих гениальных учителей, в первую очередь А. С. Пушкина, а с другой стороны, он создал оригинальное самобытное эпическое сказание о мужицком царе Пугачеве. Главный герой поэмы характеризуется сложно и «много ступенчато» и «многослойно». С помощью эпиграфов из «Слова о полку Игореве» показаны значительность замысла пугачевского бунта. Образ Алеси Баяна – совести восстания – фольклоризирует повествование, приближает его к стилю народной исторической песни. Сам Пугачев показан в большей степени в пушкинской традиции, но более сложным, противоречивым, неуловимым, близким к природной стихийности и изменчивости. Поэма Виктора Багрова и художественно, и содержательно представляет собой несомненное достижение в области лироэпической поэмы 1920–30-х гг. и таит в себе еще очень много открытий.

Список источников

1. Пушкин А. С. Капитанская дочка // А. С. Пушкин. Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. IV. М.: Художественная литература, 1949. С. 260–358.
2. Богданова О. В. Диология А. С. Пушкина «История пугачевского бунта» и «Капитанская дочка» (Образ Емельяна Пугачева) // Культура и текст. 2019. № 1 (36). С. 6–18.

3. Кузьмищева Н. М. Восстание Пугачева в восприятии Пушкина и Есенина // Есенинский сборник. Пушкин и Есенин. М.: Наследие, 2001 С. 170–181.
4. Пяткин С. Н. Исторический нарратив поэмы Есенина «Пугачев» как диалог соперничество с Пушкиным // Научный диалог. 2017. № 12. С. 237–250.
5. Сквозников В. Д. Пугачевщина, Екатерина Великая и «Капитанская дочка»// Русская словесность. 1998. № 3. С. 2–7.
6. Мауль В. Я. Русский бунт в зеркале перевернутого мира смеховой культуры (по материалам Пугачевского восстания) // Славянский альманах. 2003. № 3. С. 385–399.
7. Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство, 1995. 848 с.
8. Козин В. Виктор Александрович Багров (Бестеменников) // О Волге наше слово: Литературно-краеведческий сборник. Куйбышев: Куйбышевское книж. изд-во, 1987. С. 187–191.
9. Финк Л. Наш Виктор Багров // Багров В. Стихи и поэмы. Куйбышев: Куйбышевское книж. изд-во, 1968. С. 5–28.
10. Пропп В. Я. «Калевала» в свете фольклора // В. Я. Пропп. Фольклор. Литература. История. М.: Лабиринт, 2002. С. 120–136.
11. Слово о полку Игореве / вступ. статья Д. С. Лихачева; сост. и подгот. текста Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; примеч. Л. А. Дмитриева и О. В. Творогова. Л.: Советский писатель, 1967. 540 с.
12. Багров В. Емельян Пугачев // Багров В. Стихи и поэмы. Куйбышев: Куйбышевское книж. изд-во, 1968. С. 122–246.
13. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 187–197.
3. Kuz'mishcheva, N. M. (2001). *Vosstaniye Pugacheva v vospriyatiu Pushkina i Yesenina* [The Pugachev Rebellion as Perceived by Pushkin and Yesenin]. Yeseninskii sbornik. Pushkin i Yesenin. Pp. 170–181. Moscow, Naslediye. (In Russian)
4. Pyatkin, S. N. (2017). *Istoricheskiy narrativ poemy Yesenina “Pugachev” kak dialog soperничestvo s Pushkinym* [The Historical Narrative of Yesenin’s Poem “Pugachev” as a Dialogue of Rivalry with Pushkin]. Nauchnyy dialog. No. 12, pp. 237–250. (In Russian)
5. Skvoznikov, V. D. (1998). *Pugachevshchina, Yekaterina Velikaya i “Kapitanskaya dochka”* [Pugachevshchina, Catherine the Great, and “The Captain’s Daughter”]. Russkaya slovesnost'. No. 3, pp. 2–7. (In Russian)
6. Maul', V. Ya. (2003). *Russkiy bunt v zerkale perevernutogo mira smekhovoy kul'tury (po materialam Pugachevskogo vosstaniya)* [Russian Revolt in the Mirror of the Inverted World of the Culture of Humor (Based on the PugachevRebellion)]. Slavyanskiy al'manakh. No. 3, pp. 385–399. (In Russian)
7. Lotman, Yu. M. (1995). *Pushkin* [Pushkin]. 848 p. St. Petersburg, Iskusstvo. (In Russian)
8. Kozin, V. (1987). *Viktor Aleksandrovich Bagrov (Bestemennikov)* [Viktor Aleksandrovich Bagrov (Bestemennikov)]. O Volge nashe slovo: Literaturno-kraevedcheskiy sbornik. Pp. 187–191. Kuybyshev, Kuybyshevskoye knizh. izd-vo. (In Russian)
9. Fink, L. (1968). *Nash Viktor Bagrov* [Our Victor Bagrov]. V. Bagrov. Stikhi i poemy. Pp. 5–28. Kuybyshev, Kuybyshevskoye knizh. izd-vo. (In Russian)
10. Propp, V. Ya. (2002). *“Kalevala” v svete fol'klora* [“Kalevala” in the Light of Folklore]. V. Ya. Propp. Fol'klor. Literatura. Istorya. Pp. 120–136. Moscow, Labirint. (In Russian)
11. *Slovo o polku Igoreve* (1967) [A Tale of Igor’s Campaign]. Vstop. stat'ya D. S. Likhacheva; sost. i podgot. teksta L. A. Dmitriyeva i D. S. Likhacheva; primech. L. A. Dmitriyeva i O. V. Tvorogova. 540 p. Leningrad, Sovetskiy pisatel'. (In Russian)
12. Bagrov, V. (1969). *Yemel'yan Pugachev* [Yemel'yan Pugachev]. V. Bagrov. Stikhi i poemy. Pp. 122–246. Kuybyshev, Kuybyshevskoye knizh. izd-vo. (In Russian)
13. Propp, V. Ya. (1996). *Istoricheskiye korni volshebnoi skazki*. [Historical Roots of the Fairy Tale]. Pp. 187–197. St. Petersburg, izd-vo SPb. un-ta. (In Russian)

References

1. Pushkin, A. S. (1949). *Kapitanskaya dochka* [The Captain’s Daughter]. Pp. 260–358. A. S. Pushkin. Poln. sobr. soch.: v 6 t. T. IV. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
2. Bogdanova, O. V. (2019). *Dilogiya A. S. Pushkina “Istoriya pugachovskogo bunda” i “Kapitanskaya dochka” (Obraz Yemelyana Pugachova)* [The Dilogy by A. S. Pushkin “The History of the Pugachev Rebellion” and “The Captain’s Daughter” (The Image of Emelyan Pugachev)]. Kul'tura i tekst. No. 1 (36), pp. 6–18. (In Russian)

The article was submitted on 16.10.2025
Поступила в редакцию 16.10.2025

Журчева Ольга Валентиновна,
доктор филологических наук,
профессор,
Самарский государственный социально-
педагогический университет,
443099, Россия, Самара,
Максима Горького, 65/67.
varo@mail.ru

Zhurcheva Olga Valentinovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Samara State University of Social Sciences and
Education,
65/67 Maxim Gorky Str.,
Samara, 443099, Russian Federation.
varo@mail.ru